

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР НА ПЕРЕГОВОРАХ Л.И. БРЕЖНЕВА С И. Б. ТИТО В 1970-х ГГ.

Аннотация. Длительное время Югославия занимала независимую от СССР позицию по ряду вопросов, что в условиях советско-китайской конфронтации предопределило повышенное внимание к ней со стороны как Москвы, так и Пекина. В статье рассмотрено влияние китайского фактора на советско-югославские переговоры на высшем уровне, имевших место на протяжении 1970-х гг. В течение этого времени политика югославской стороны устойчиво менялась в сторону большей благожелательности в отношении Китая: если поначалу югославские представители и сам маршал Тито предпочитали воздерживаться от прямого выражения своей позиции по китайскому вопросу, в том числе, относительно состояния советско-китайских отношений; то во второй половине 1970-х гг. высказывания югославы приняли более определенный характер. По-прежнему подчеркивая свое несогласие с Пекином по ряду аспектов международной политики, включая сюда вопросы разоружения, процесса разрядки и т.п., Тито и другие собеседники советских лидеров вместе с тем говорили о целесообразности улучшения отношений с КНР в интересах как Югославии, так и «социалистического содружества» вообще, включая сюда и СССР. Эти заверения, однако, не оказывали воздействия на советскую сторону; с 1977 г. обсуждение китайского фактора в ходе переговоров сопровождалось нарастающим выражением недовольства лидерами СССР позицией Белграда. Особенно наглядно это проявилось в мае 1979 г., во время последней встречи Тито с Брежневым, проходившей в обстановке уже далеко зашедшего китайско-югославского сближения, в то время как отношения Москвы с Пекином достигли крайней напряженности.

Ключевые слова: Югославия. Советский Союз, международные отношения, переговоры, маоизм, визит, нормализация, социализм

Введение

Советско-российско-китайские отношения – один из важнейших аспектов международной жизни в целом, актуальность изучения которого в истории совершенно очевидна. Применительно к третьей четверти XX в. особый интерес представляет изучение тогдашнего состояния и развития этих отношений в контексте общей ситуации в так называемом «социалистическом лагере», переживавшем в 1960–1980-х гг. непростые времена. Как известно, еще в конце 1940-х гг. произошел советско-югославский разрыв, повлекший за собой ожесточеннейшую пропагандистскую войну и волну политических репрессий как в Федеративной Народной республике Югославия, так и в восточноевропейских странах «народной демократии», занявших в конфликте просоветскую позицию. Нормализация отношений между Москвой и Белградом в середине 1950-х гг. отнюдь не привела к возвращению ФНРЮ в «социалистический лагерь», напротив, многолетний лидер страны, маршал Тито, подчеркивая самостоятельный характер своей политики, в ряде случаев довольно резко дистанцировался от СССР и возражал против самой формулировки о «лагере социализма». К этой двусмысленной во многом позиции Тито, временами порождавшей осложнения в его взаимоотношениях с Москвой, на рубеже 1950-1960-х гг. добавился все более углублявшийся раскол между СССР и КНР, крупнейшими в мире социалистическими странами (и как сопутствующее ему явление – разрыв Советского Союза с Албанией, на что в 1960-х гг. отчасти наложился еще прогрессирующий отход от СССР Румынии, официально остававшейся, как, впрочем, и Албания (до 1968 г.) членом Организации Варшавского Договора). Все это создало сложную и во многом запутанную ситуацию, при которой взаимоотношения в «треугольнике» Москва-Белград-Пекин приобрели важное значение для советского руководства, как, впрочем, и для руководства двух уже названных стран Восточной Европы – Румынии и Албании. И если советско-китайские контакты в 1960-х гг. были резко свернуты, а затем и вовсе почти прекратились, то с Югославией положение было иным. И. Б. Тито и советские лидеры – сначала Н. С. Хрущев, а затем Л. И. Брежнев – неоднократно встречались. На этих встречах не единожды поднимался значимый для обеих сторон вопрос об отношениях с КНР. При этом до конца 1960-х гг. Пекин и Белград продолжали враждовать, но известные чехословацкие события 1968 г. привели к изменению ситуации.

1. Материалы и методы

В предлагаемой статье рассматриваются позиции СССР и СФРЮ по китайскому вопросу так, как они обозначились во время переговоров на высшем уровне, в 70-е гг. минувшего столетия. Вопрос о КНР, ее политике, особенно внешней, в указанное десятилетие неоднократно поднимался во

время «встреч в верхах», причем почти исключительно по инициативе советской стороны. Последнее обстоятельство отражало противоположные направления в развитии советско-китайских и югославо-китайских отношений в 1970-е гг. Если первые из них в целом менялись в худшую сторону, то Пекин и Белград все более двигались к примирению, а затем и к сближению, ставшему уже совершенно очевидным к концу десятилетия.

Основной источник исследования – недавно опубликованные записи встреч руководителей СССР и Югославии, происходивших на протяжении 1970-х гг.¹

При рассмотрении поставленной проблемы автором используются научные принципы историзма, объективности, всесторонности и системности. Работа базируется на следующих общенаучных и общеисторических методах:

- идеографический, выражающийся в описании обсуждения китайского вопроса в ходе имевших место в 1970-х гг. встреч руководящих деятелей СФРЮ и СССР, и позволяющий обозначить позиции сторон в отношении КНР, включая изменения в этих позициях на протяжении десятилетия;
- метод периодизации, согласно которому изучение документации, связанной с поставленной проблемой, осуществляется в рамках определенного периода, что позволяет выявить отмеченное выше появление новых тенденций, нашедших отражение в выбранной категории источников;
- историко-системный, рассматривающий роль китайского фактора в треугольнике «Москва – Пекин – Белград» в 1970-е гг. как целостную систему, подверженную, однако, изменениям и коррективам;
- историко-сравнительный, позволяющий сопоставлять взгляды и оценки, выявившиеся по отношению к КНР в ходе советско-югославских встреч на высоком, в том числе, и высшем уровнях;
- историко-генетический, дающий возможность проследить углубление и развитие расхождений Москвы и Белграда по отношению к КНР, постепенно обнаруживавшиеся в ходе двусторонних переговоров.

2. Результаты

Ставший реальным фактом в начале 1960-х гг. советско-китайский разрыв, совпавший по времени с очередной «оттепелью» между Москвой и Белградом, объективно содействовал поступательному развитию отношений между странами, включая сближение позиций сторон по китайскому вопросу. Как Н. С. Хрущев, так и Л. И. Брежнев демонстрировали во время своих встреч с И. Б. Тито и другими югославскими лидерами в 1960-х гг. совпадение или близость взглядов на политику «группы Мао» в КНР².

Фактически возглавлявший Движение неприсоединения, созданное при его непосредственном участии, югославский лидер во время переговоров склонен был отчасти в противовес Китаю несколько преувеличивать зрелость социалистического уклада в некоторых странах – участницах этого движения. Так было в 1966 г. в случае с насеровским Египтом, имевшим весьма тесные связи с Югославией: ближайший сподвижник И. Б. Тито Э. Кардель отметил на переговорах с советскими руководителями, что в Египте не меньше социализма, чем в Китае или Албании³. Очевидно, выражал он не только свое личное мнение, которое не вызвало возражений у советской стороны.

В свою очередь в апреле 1968 г. И. Б. Тито солидаризировался с оценкой Л. И. Брежневым китайской политики в «третьем мире», особенно в Южной и отчасти Юго-Восточной Азии. Собеседники оказались едины в признании объективной выгоды пекинской политики правящим кругам США, в том числе в связи с вьетнамской войной⁴.

Через несколько месяцев в югославо-китайских отношениях наметились осторожные изменения к лучшему: Пекин и Белград недвусмысленно осудили интервенцию пяти стран – членов ОВД в Чехословакию. В числе прочего, резкие расхождения между Белградом и Москвой нашли отражение и во время контактов официальных лиц обеих стран⁵. Тогда же наметилось «потепление» в югославо-китайских и даже (правда, на короткое время) в югославо-албанских отношениях. Дело в том, что возглавлявший «народную Албанию» Э. Ходжа, несмотря на то, что являлся давним и принципиаль-

¹ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. В 2 тт. М.: МФД, 2014. – Т. 1.: 1946 – 1964. М.: МФД, 2014, 880 с.; Т. 2: 1964 – 1980. М.: МФД, 2017. 944 с.

² Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. С. 468, 481–484, 560, 567–568. Т. 2. С. 215, 624.

³ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 128.

⁴ Там же. С. 218–219.

⁵ Там же. С. 231–246.

ным оппонентом Тито, как и последний крайне негативно оценивал действия Москвы в отношении Чехословакии. В 1969 г. югославское руководство дало уже понять Москве, что оно дистанцируется от безоговорочно негативного отношения СССР к пекинским лидерам – во время переговоров с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко Тито поднял вопрос о КНР лишь по инициативе своего советского собеседника. Ссылаясь на недавние вооруженные столкновения на советско-китайской границе Громыко поинтересовался мнением И. Б. Тито по поводу этих столкновений и о пекинской политике в целом⁶.

Ответ главы СФРЮ оказался уклончивым. Будто успокаивая собеседника, И. Б. Тито заверил его, что югославо-китайские отношения не улучшились за последнее время, и несколько раз повторил это утверждение. И. Б. Тито подчеркнул незаинтересованность Белграда в дальнейшем обострении напряженности между Пекином и Москвой. Он заявил, что КНР по-прежнему не рассматривает СФРЮ как социалистическую страну и продолжает поддерживать Албанию, вновь занявшую, после небольшого перерыва, враждебную Белграду позицию. В то же время И. Б. Тито не стал отрицать возобновления после продолжительной паузы контактов между дипломатическими представителями двух стран и заключения «мелкого», по его словам, торгового договора с КНР; а также подтвердил тот факт, что Югославия во время советско-китайского пограничного конфликта «публиковала позиции обеих сторон» и пыталась воздерживаться от собственных комментариев⁷. Нельзя не сказать в связи с этим, что подобной линии применительно к изложению «острых вопросов» советско-китайских отношений руководство СФРЮ придерживались на протяжении следующего десятилетия, почти до конца 1970-х гг. – конца «эпохи Тито» в истории Югославии.

На протяжении 1970-х гг., как отчетливо видно из анализируемых нами документов, во время встреч представителей двух стран югославы старались не инициировать обсуждение «китайской проблемы», ограничиваясь общими замечаниями и платоническими пожеланиями улучшения отношений между СССР и КНР. Так, в конце февраля 1971 г. во время беседы с союзным секретарем по иностранным делам СФРЮ М. Тепавацем Л. И. Брежнев отметил некоторые положительные тенденции во взаимоотношениях с КНР после 1969 г. – прекращение вооруженных провокаций, определенное расширение торговли, обмен послами, осуществленный осенью 1970 г., и т. д. В то же время, признав декларируемую Пекином готовность нормализовать межгосударственные отношения с Советским Союзом, лидер КПСС подчеркнул, что китайская сторона одновременно заявляет о неприимости своих идеологических разногласий с Москвой, и не без лукавства признал, что ему сложно определить суть этих разногласий, т. к. единственное требование китайцев в идеологическом плане – это аннулирование решений XX и XXII съездов КПСС⁸. Такое замечание советского лидера по сути звучало как вполне определенный намек Белграду, которому никак не могло импонировать требование дезавуировать решения соответствующих съездов КПСС, известных своей антисталинской направленностью, даже несмотря на то, что на XXII партсъезде Хрущевым была подвергнута критике и «ревизионистская» программа Союза коммунистов Югославии, принятая тремя годами ранее, в 1958 г.⁹ М. Тепавац, в свою очередь, предпочел воздержаться от комментариев и лишь заметил, что в настоящее время, как ему представляется, «советско-китайские отношения меняются к лучшему»¹⁰.

Сам И. Б. Тито во время визита Л. И. Брежнева в Югославию в сентябре 1971 г. тоже старался не инициировать в беседах с советским лидером китайский вопрос: о КНР говорил почти исключительно генеральный секретарь ЦК КПСС. Его югославский собеседник, когда речь заходила о Китае, предпочитал отмалчиваться. Опубликованная в 2017 г. запись беседы, состоявшейся в Белграде 23 сентября 1971 г. зафиксировала довольно пространственные брежневские высказывания о китайской политике и отношениях Москвы с Пекином, и лишь отдельные короткие реплики И. Б. Тито, обычно не носящие оценочного характера. Только один раз, комментируя замечание советского лидера о предстоящем визите президента США Р. Никсона в Пекин и о том, что еще совсем недавнем Мао Цзэдун «проклинал империализм», Тито добавил: «и Югославию»¹¹. В целом же Брежнев воспроизвел на той встрече суждения, уже высказанные им в упомянутой ранее беседе с Тепавацем, попутно пожаловавшись на возросшую активность пекинских лидеров в организации промаоистских групп «в

⁶ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 273–274.

⁷ Там же. С. 274–275.

⁸ Там же. С. 297–298.

⁹ Там же. С. 624.

¹⁰ Там же. С. 297.

¹¹ Там же. С. 332.

возможно большем числе стран и партий», как и на усиленную пропаганду антисоветского характера внутри страны и за ее пределами, а также на фактическое отклонение руководством КНР от инициатив по нормализации отношений с СССР и пограничному урегулированию¹². Посетовав на «нехорошую политику» КНР на вьетнамском направлении, Л. И. Брежнев все же выразил сомнения в том, что Мао пойдет на предательство Вьетнама в деле его противостояния США¹³.

В предназначенном для заграницы проекте закрытого информационного сообщения о визите Л. И. Брежнева в СФРЮ, составленном вскоре после визита, вероятно, в канцелярии И. Б. Тито, говорилось: «Китай и дальше остается большой проблемой для Советского Союза, хотя советская сторона стремилась преуменьшить значение усиления Китая и его международного укрепления, особенно в плане прогрессирующего «наведения мостов» с США». В связи с этим подчеркивалось, что Югославия намерена и далее развивать отношения с КНР, но не за счет «третьих стран», а потому не может быть и речи о каком бы то ни было содействии Белграда Пекину в организации некоего «прокитайского союза на Балканах»¹⁴. Интересно, что формулировка о готовности нормализовать отношения с КНР, но не за счет «третьих стран», будет неоднократно присутствовать уже в советской пропаганде и в выступлениях официальных лиц СССР в первой половине 1980-х гг., когда медленно развернется процесс осторожного улучшения советско-китайских отношений.

На состоявшейся 5-10 июня 1972 г. в Москве очередной советско-югославской встрече в верхах вопрос о КНР не значился в перечне основных тем для обсуждения руководители СССР и СФРЮ во время переговоров¹⁵. Он был затронут в ходе бесед Брежнева и Тито (6 и 9 июня 1972 г.) лишь мимоходом, главным образом, в связи с активизацией в это время военных действий во Вьетнаме и препятствиями, чинимыми китайской стороной при транзите из СССР грузов, предназначенных для вьетнамцев. В обширной же информационной справке о переговорах, составленной югославами сразу по окончании визита, Китаю был уделен только один абзац. Там говорилось, что советский министр иностранных дел А. А. Громыко указал на отсутствие перемен во взаимоотношениях Москвы с Пекином и выразил сильнейший скепсис по поводу вероятности «быстрых корректив» во внешней политике последнего. По предположению автора справки, глава советского МИД таким образом дал понять югославам, что их политика основывается на иллюзии о поступательном развитии отношений с Китаем, и попытался отговорить Белград от углубления развития этих отношений¹⁶ (курсив мой – А.Д.).

Новая советско-югославская встреча на высшем уровне происходила 12-15 ноября 1973 г. в Киеве непосредственно после очередной арабо-израильской войны. Неудивительно поэтому, что при обсуждении международных проблем на ней безусловно доминировала ситуация в ближневосточном регионе – китайский вопрос, судя по опубликованным материалам, здесь совершенно не рассматривался. Лишь во время беседы А. Н. Косыгина с И. Б. Тито, состоявшейся ранее, 28 сентября 1973 г., Председатель Совмина СССР указал на отсутствие каких-либо изменений к лучшему в советско-китайских отношениях, подверг критике гегемонистские устремления Пекина, помноженные на форсированное укрепление его военно-промышленного комплекса и милитаризацию страны. Глава советского правительства рекомендовал также лидеру СФРЮ ознакомиться с только что вышедшей в СССР книгой советского разведчика и дипломата, коминтерновца П. П. Владимировича «Особый район Китая», проливающей по словам А.Н. Косыгина, свет на истоки нынешнего антисоветизма Мао¹⁷. И. Б. Тито, однако, снова предпочел воздержаться от обсуждения китайской темы.

К вопросу о Китае лидеры СССР и СФРЮ вернулись через три года в ходе очередного визита Л. И. Брежнева в Югославию, состоявшегося вскоре после смерти Мао и временного, как оказалось, утверждения у власти в Пекине непосредственного его преемника – выдвиженца «культурной революции» Хуа Гофэна. В материалах, подготовленных в Советском Союзе к предстоящему визиту Л. И. Брежнева, в разделе о Китае говорилось о неопределенности в данный момент внешнеполитической линии Хуа Гофэна и о необходимости выждать время, чтобы определиться. Констатировались как твердое намерение советского руководства не отказываться от своего принципиального отношения к маоизму, так и недопустимость поспешности в оценках действий нового председателя ЦК КПК. При этом отмечалось, что «*балласт враждебности, созданный при Мао, еще будет сказываться долго*» (подчеркнуто в оригинале, – А.Д.). Говорилось, что «*в последнее время, наряду с потоком*

¹² Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 331-332.

¹³ Там же. С. 330.

¹⁴ Там же. С. 359.

¹⁵ Там же. С. 381-383.

¹⁶ Там же. С. 412.

¹⁷ Там же. С. 423-424.

антисоветчины, из Пекина доходят некоторые сигналы о готовности нормализовать межгосударственные отношения». При этом подчеркивалась готовность Москвы к такой нормализации¹⁸. Данная установка была оглашена Л. И. Брежневым в беседе с И. Б. Тито 15 ноября 1976 г. А. А. Громыко добавил к этому реплику о более благожелательном тоне поздравления, направленного советскому руководству из Пекина к 59-й годовщине Октябрьской революции. Но и здесь И. Б. Тито предпочел не давать каких-либо определенных комментариев¹⁹.

Следует сказать, что к тому времени, по оценке современного словенского биографа И. Б. Тито Й. Пирьевица, советско-югославские отношения уже миновали высшую точку своего развития, пришедшую как раз на первую половину 1970-х гг., и в них наметилось явное охлаждение [5, с. 544, 546, 555–556]. Й. Пирьевиц не упоминает о роли китайского фактора в данном охлаждении, но он, несомненно, тоже сыграл свою роль, что стало очевидно уже в 1977 г., когда лидер СФРЮ и СКЮ нанес визит в КНР, причем этому визиту предшествовала очередная поездка Тито в Советский Союз. В контексте предлагаемой статьи эта поездка представляет особый интерес. Сам же визит Тито в КНР (первый визит в эту страну лидера Югославии) вызвал многочисленные оживленные отклики в мировой прессе, нашедшие отражение и в корреспонденциях ТАСС, проанализированных нами в одной из публикаций [2].

В СССР накануне визита в Китай И. Б. Тито провел неделю – с 16 по 23 августа 1977 г. В первый же день переговоров, 17 августа 1977 г., генсек ЦК КПСС по своей инициативе заговорил с Тито о Китае. Отметив, что он не собирается навязывать югославской стороне своих оценок и взглядов, подтвердив также неизменность курса на нормализацию отношений с КНР, Л. И. Брежнев тем не менее обрушился с резкой критикой на пекинскую политику. Ее нынешних проводников, преемников Мао, он обвинил в нарастающей эскалации антисоветизма, «смыкании с наиболее реакционными силами империализма», выдвигании неприемлемых требований к СССР в качестве условия нормализации двусторонних отношений, как и в наращивании своего военного присутствия близ границ с Советским Союзом²⁰. Охарактеризовав политику наследников Мао как «угрозу для всего мирового социализма, для всего человечества», Л. И. Брежнев одновременно подверг критике и публикации в югославской прессе, оправдывающие, по его словам, внешнеполитический курс Хуа Гофэна²¹. И. Б. Тито не замедлил подчеркнуть несостоятельность представлений, что югославское руководство разделяет такого рода суждения и отмежевался от публикаций соответствующего характера в печати СФРЮ. В меру своих сил и возможностей И. Б. Тито попытался успокоить советских собеседников. Югославский лидер утверждал, что предстоящий его визит никоим образом не направлен против СССР, а преследует преимущественно ознакомительные цели. Тито подчеркивал также именно государственный, а не партийный характер предстоящего визита, и многозначительно отметил, что об установлении межпартийных связей речь не идет²². Это суждение югославского лидера, несомненно, отдавало лукавством, ибо не вполне соответствовало реальности – один из ближайших и многолетних соратников И. Б. Тито, Э. Кардель, в том же 1977 г. прямо заявил, что вовсе не исключена нормализация отношений между правящими партиями Югославии и Китая, СКЮ и КПК соответственно. Это действительно и случилось уже в 1978 г. [4, с. 156; 4, с. 120-132).

Комментируя точку зрения брежневского руководства СССР, югославские составители сообщения (от 14 сентября 1977 г.) о визите И. Б. Тито в СССР, уже после возвращения своего лидера из Китая на родину, отметили, что Л. И. Брежнев «на деле попытался все же повлиять на наше "отношение" к Китаю и косвенным образом выразил сдержанность по поводу нашей политики в отношении Китая». Брежневская критика югославской печати в этой связи интерпретировалась как маневр, предпринятый в целях избежать открытой дискуссии с советской стороной²³. Но показательно, что в последующей своей переписке с И. Б. Тито, как и в состоявшейся в конце марта 1978 г. беседе с союзным секретарем СФРЮ по иностранным делам М. Миничем, Л. И. Брежнев, затронув широкий круг вопросов текущего международного положения, воздержался от каких бы то ни было суждений о КНР и ее отношениях и с Югославией, и с Советским Союзом²⁴. Лишь в очередном своем письме к И. Б. Тито (от 19 апреля 1978 г.) Брежнев обратился к китайской тематике. Снова повторив прежние

¹⁸ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 470.

¹⁹ Там же. С. 478.

²⁰ Там же. С. 528-529.

²¹ Там же. С. 529.

²² Там же.

²³ Там же. С. 552.

²⁴ Там же. С. 558-578.

обвинения в адрес пекинских лидеров, генеральный секретарь ЦК КПСС и по совместительству председатель Президиума Верховного совета страны особо заострил внимание на выгоды антисоветского внешнеполитического курса КНР для американского империализма и империалистического лагеря вообще. По этому поводу Л. И. Брежнев не без тревоги напомнил, что «*в правительственных кругах Вашингтона оживляется идея на лаживания военного сотрудничества с Китаем, вплоть до поставок ему соответствующей технологии и вооружений*»²⁵. Здесь советский лидер, очевидно, желая повлиять на своего югославского коллегу, либо лукавил, либо намеренно драматизировал ситуацию: в условиях, когда США официально еще признавали не КНР, а управляемый гоминьдановцами Тайвань, сотрудничество такого рода с Пекином было более чем проблематичным. Уже в середине 1982 г., как отмечает Ю. М. Галенович, продолжающиеся поставки американского оружия Тайбею вызвали весьма острую реакцию в Пекине и повлияли на решение последнего решиться наконец пойти на некоторое улучшение отношений с Советским Союзом [1, с. 144–146].

К маю 1979 г., когда состоялся последний визит И. Б. Тито в СССР, Хуа Гофэн успел уже побывать в СФРЮ (август 1978 г.) и провести результативные переговоры с И. Б. Тито. Югославо-китайские отношения были, таким образом, полностью нормализованы как по государственной, так и по партийной линии [3, с. 460–466], в то время как отношения между КНР и СССР достигли значительной напряженности, особенно усилившейся с конца зимы до весны 1979 г. из-за китайско-вьетнамской войны – первой крупномасштабной войной между «братскими социалистическими странами», вызвавшей громадный резонанс. При таком положении было совершенно невозможно обойти китайскую тематику в ходе переговоров на высшем уровне. И. Б. Тито во время бесед с Л. И. Брежневым пришлось уже более подробно, нежели ранее, остановиться на китайских сюжетах²⁶. Инициативу в постановке вопроса по-прежнему проявил советский лидер. Обращаясь во время состоявшейся встречи 17 мая 1979 г. к лидеру СФРЮ, по фамилии – *Броз*, Л. И. Брежнев снова обрушился на югославскую печать, обвинив ее в том, что она пишет «*о каком-то вкладе Китая в укрепление мира*», в то время как факты говорят об обратном. В связи с этим глава советского государства назвал Китай «*одним из опаснейших источников войны*», обвинил его в попытках создать единый антисоветский фронт, в проведении политики интенсивного флирта с империализмом ради достижения этой цели, стремлении внести и углубить раскол между социалистическими странами, настроить против Советского Союза государства третьего мира. Особо резко Л. И. Брежнев атаковал нападение КНР на Вьетнам, как и отказ пекинского руководства продлить срок действия, заключенного еще в 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи²⁷. И. Б. Тито ответил не сразу. Попытавшись «перейти в наступление», он, как и его ближайший в тот период помощник С. Доланц, бросил упрек уже в адрес советской печати, которая, по его словам, позволяет себе перепечатывать «некоторые материалы» из западной прессы, сообщающей о «возможных» поставках югославского оружия КНР. Кроме того, была высказана претензия, что в выступлениях советских пропагандистов на закрытых совещаниях, проводимых по линии Агитпропа, звучат резкие антиюгославские выпады. Теперь пришлось обороняться уже советским партнерам – они все отрицали, утверждая, что речь идет о «провокационных слухах»²⁸.

Обратившись далее непосредственно к китайским сюжетам, И. Б. Тито отрицал наличие антисоветской основы у совершенно очевидного уже для всех сближения СФРЮ с КНР, признавал расхождение позиций двух стран по ряду вопросов, в том числе о войне и мире. Югославский лидер напоминал, что в 1977 г. во время его визита в КНР, во исполнение ранее достигнутой договоренности, партнеры по переговорам воздерживались от нападков на Советский Союз. Более того, во время встречи с Хуа Гофэном в августе 1978 г. Тито, по его словам, призывал Хуа улучшить отношения с Москвой, настойчиво говорил своему собеседнику о выгоды советско-китайского раскола для империализма. «Председатель Хуа», со слов Тито, отмалчивался²⁹.

В связи с совсем недавней китайско-вьетнамской войной югославский лидер напомнил, что он недвусмысленно дистанцировался от КНР и даже явно преувеличил степень и эффективность своего влияния на Хуа Гофэна: по признанию И. Б. Тито, сразу же после начала войны он направил китайскому лидеру (в большей степени уже номинальному – на первый план в Пекине фактически выдвинулся Дэн Сяопин) послание, потребовав от него скорейшего прекращения боевых действий и вывода китайских войск с территории СРВ. Хуа, по словам Тито, ответил, что «*через пару дней китайские*

²⁵ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 583

²⁶ Там же. С. 587–588, 592–595.

²⁷ Там же. С. 587–588

²⁸ Там же. С. 592–593

²⁹ Там же. С. 594–595

войска» будут выведены³⁰. На самом деле об отводе китайских войск объявлено было позднее, а именно 5 марта 1979 г., через 16 дней после начала военных действий, а завершился их вывод уже к 18 марта. Существеннейшую роль здесь сыграла позиция не Белграда, а Москвы, о чем собеседникам, конечно же, было хорошо известно. Дистанцировался И. Б. Тито и от политики режима «красных кхмеров», изображаемого в СССР в качестве безусловно пропекинского и свергнутого в начале 1979 г. в Камбодже при непосредственном участии вьетнамцев. Но в то же время югославский лидер, к недовольству советского руководства, выразил озабоченность и несогласие с самим фактом вьетнамского вмешательства в камбоджийские (кампучийские) дела, что, собственно, и послужило формальным поводом для нападения КНР на СРВ³¹.

О «недобрых расчетах» Пекина в связи с улучшением югославо-китайских отношений советский лидер считал возможным заявить И. Б. Тито во время беседы 18 мая 1979 г. Л. И. Брежнев напомнил, что имевший место летом 1978 г. визит Хуа Гофэна в СФРЮ китайская сторона открыто охарактеризовала «как тяжелый удар по советской политике». Вместе с тем, советское руководство «приняло к сведению» намерение Белграда развивать отношения с КНР не за счет «третьих стран», а также воздерживаться от военных поставок в Китай. В составленном же по окончании поездки в СССР самим Тито кратком сообщении о результатах визита говорилось, что в ходе бесед с Брежневым была «очень ясно и откровенно» дана оценка позитивным изменениям во внутренней жизни КНР, имевшим место в последние годы, и косвенно подвергнута критике «советская позиция по отношению к Китаю»³². Представляется, что последний визит И. Б. Тито в СССР обозначил существенные различия двух стран в оценке китайской политики, как и несомненное недовольство Москвы слишком далеко зашедшим сближением Белграда с Пекином. Успокоительные заявления Тито не смогли рассеять в полной мере тревоги советского руководства на этот счет, хотя видимого ухудшения отношений Советского Союза с СФРЮ не произошло.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что во изменение прежней своей позиции в 1970-х гг. во время встреч на высшем уровне югославские лидеры, в том числе И. Б. Тито, предпочитали отмалчиваться, когда их советские коллеги поднимали вопросы отношений Москвы с Пекином и касались различных аспектов политики КНР. Лишь во время встреч в Москве в 1977 г., накануне визита И. Б. Тито в Пекин, и особенно в 1979 г., в ходе последнего своего свидания с Л. И. Брежневым, главе СФРЮ пришлось более подробно остановиться на соответствующих проблемах и выслушать от советских собеседников упреки формально в адрес прессы СФРЮ, но фактически – в адрес югославского лидера. При этом успокоительные сентенции Тито, судя по всему, не оказали особого воздействия на брежневское руководство СССР, так что недовольство Москвы Белградом сохранилось и нашло определенное отражение на страницах печати, как и в советской публицистике. Напомним, что заметного ухудшения двусторонних отношений формально не случилось. Стороны явно не собирались идти на конфликт, а тем более не были заинтересованы в возвращении советско-югославских отношений к уровню первой половины 1950-х гг., а потому избегали излишнего муссирования разногласий относительно КНР и политики ее лидеров, сменивших во второй половине 1970-х гг. Мао Цзэдуна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галенович Ю. М. От Сталина и Мао до Путина и Си. М. : Издательский дом ВКН, 2020. 416 с.
2. Дорожкин А. Г. «Дифференцированный подход» КНР первых послемаоцзэдуновских лет к странам «социалистического содружества» в отражении корреспонденций ТАСС // Россия и Китай. История и перспективы сотрудничества. Материалы V Международной научно-технической конференции (Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 18–23 мая 2015 г.). Вып. 5 / под ред. Д. В. Буярова; ФГБОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический университет». Благовещенск : Издательство БГПУ, 2015. С. 117–132.
3. Капица М. С. КНР: три десятилетия – три политики. М. : Наука, 1979. 576 с.
4. Китайская Народная республика в 1977 году: политика, экономика, идеология / под ред. М. И. Сладковского. М. : Наука, 1979. 325 с.
5. Пирьевец Й. Тито и товарищи / пер. со словен. Л. А. Кирилиной, Н. С. Пилько. М.; СПб. : Нестор-История, 2019. 632 с.

³⁰ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 595.

³¹ Там же. С. 592–595, 607.

³² Там же. С. Там же. С. 607.

L. I. BREZHNEV – I. B. TITO NEGOTIATIONS OF THE 1970S – THE CHINESE FACTOR

Abstract. For a long time, the position of Yugoslavia was independent from the USSR in respect of some problems, which in the context of the Soviet-Chinese conflict predetermined the increased attention to this country from both Moscow and Beijing. In this regard, the article deals with the reflection of the Chinese factor in the Soviet-Yugoslav negotiations from the late 1960s to the late 1970s. In this time, the tactics of the Yugoslav side steadily changed towards greater benevolence towards China: if at first the Yugoslav leaders and Marshal Tito himself preferred to refrain from directly expressing their position on the Chinese problem, including the state of Soviet-Chinese relations, then in the second half of the 1970s the statements of the Yugoslavs took on a more definite character. While still emphasizing their disagreement with Beijing on a number of questions of international policy, including issues of disarmament, the process of detente, etc., Tito and other partners of the Soviet leaders at the same time spoke about the feasibility of improving relations with the PRC in the interests of both Yugoslavia and the "socialist Commonwealth" in general, including the USSR. These assurances, however, did not affect the Soviet side; since 1977, the discussion of the Chinese factor in the course of negotiations was accompanied by an increasing expression of dissatisfaction with the Belgrade's point of view by the USSR leaders. This was especially evident in May 1979, during Tito's last meeting with Brezhnev, which took place in an atmosphere of already far-reaching Sino-Yugoslav rapprochement, while relations between Moscow and Beijing reached their greatest tension.

Keywords: Yugoslavia, Soviet Union, international relations, negotiations, Maoism, visit, normalization, socialism.

REFERENCES

1. Galenovich Yu. M. *Ot Stalina i Mao do Putina i Si*, Moscow, Izdatel'skii dom VKN, 2020, 416 p.
2. Dorozhkin A. G. «Differentsirovannyi podkhod» KNR pervykh poslemaotszedunovskikh let k stranam «sotsialisticheskogo sodruzhestva» v otrazhenii korrespondentsii TASS, Rossiya i Kitai. *Istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii (Blagoveshchensk-Kheikhe-Kharbin, 18–23 maya 2015 g.)*, vol. 5, pod red. D. V. Buyarova; FGBOU VPO «Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet», Blagoveshchensk, Izdatel'stvo BGPU, 2015, pp. 117–132.
3. Kapitsa M. S. *KNR: tri desyatiletiya – tri politiki*, Moscow, Nauka, 1979, 576 p.
4. *Kitaiskaya Narodnaya respublika v 1977 godu: politika, ekonomika, ideologiya* / pod red. M. I. Sladkovskogo. Moscow, Nauka, 1979, 325 p.
5. Pir'evets I. *Tito i tovarishchi* / per. so sloven. L. A. Kirilinoi, N. S. Pil'ko, Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 632 p.

Дорожкин А.Г. Китайский фактор на переговорах Л.И. Брежнева с И.Б. Тито в 1970-х гг. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 4. № 4. С. 26–33.

Dorozhkin A. G. L. I. Brezhnev – I. B. Tito Negotiations of the 1970s – the Chinese Factor, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2020, vol. 4, no. 4, pp. 26–33.

Дата поступления статьи – 06.10.2020; 0,84 печ. л.

Сведения об авторах

Дорожкин Андрей Геннадьевич – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия; andrew-67@mail.ru

Author:

Andrey G. Dorozhkin, Professor, Doctor of History, Professor at the Department of world's History, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; andrew-67@mail.ru
